Игорь Евгеньевич Мытько
Андрей Валентинович Жвалевский

Порри Гаттер и Каменный философ

Серия «Порри Гаттер», книга 1

«Книга молодых авторов Жвалевского и Мытько «Порри Гаттер и Каменный Философ» — искрометная и очень смешная пародия на творение знаменитой шотландки» («Аргументы и факты»).

«Стоит сказать и о принципиальном отличии «Порри Гаттера» от многих других литературных пародий. Это совершенно самостоятельная книга с вполне оригинальным детективным сюжетом, сохраняющая до последней страницы замечательно яркий и добрый юмор…» («Книжное обозрение»)

Мировая пародия на мировой бестселлер

Авторы благодарят Джоан К. Ролинг за создание великолепных книг о Гарри Поттере

Все совпадения находятся в пределах нормального (Гауссова) распределения. Все заклинания и заговоры приведены по согласованию с праводержателями.

Ни одна упомянутая торговая марка при написании произведения не пострадала.

Harry Potter, names, characters and related indicia по-прежнему are copyright and trademark Warner Bros.

Кто не спрятался, мы не виноваты.

Глава 1
Мальчик, который не только выжил, но и всем показал

В угловом доме 13/13 на пересечении улицы Вязов и аллеи Долгоносиков странные вещи не случались только по понедельникам с утра. По понедельникам с утра папаша Гаттер предпочитал полежать на диванчике, предаваясь размышлениям о том, как славно он провел уикенд, а перед ним — и всю неделю. Директор Департамента Суеверий, которого подчиненные звали Дикобразом, а друзья-волшебники — просто Диком, любил повеселиться на славу.

Простые жители Лондона до сих пор с содроганием вспоминают нашествие пятиногих страусов, неделю подпрыгивающих яиц и ноябрьский ливень-тараканопад. Сам Дик вершиной своего творчества считал массовое самоубийство городских винчестеров. Но в тот зимний понедельник, когда все это как раз и произошло, папаша Гаттер ничего приятного вспомнить не мог, потому что в последнее время совсем не развлекался и даже начал избегать встреч с друзьями.

Заметим, что у Дика Гаттера все друзья — волшебники. И женушка его, обаяшка Мэри, тоже ведьма (в изначальном смысле этого слова). И пятилетняя дочь, вылитый ангелочек, названная Гингемой в честь прабабушки. Так уж повелось, что в роду Гаттеров все были колдунами и колдуньями.

— Вот именно, «были», — проворчал отец семейства, мрачно глядя на колыхающийся потолок. В комнате наверху уже полтора часа продолжалась битва — малышка Гинги пыталась превратить отчаянно упирающегося кота Кисера в совенка. Но не это беспокоило старшего Гаттера — дело молодое, да и совенок девочке пригодился бы. Беспокоила его, причем чрезвычайно сильно, парившая в центре гостиной детская кроватка, точнее, ее обитатель.

Очаровательный младенец, пухлый, горластый и розовощекий, появился в семье полгода назад. Все в младшем Гаттере было замечательно и умиляло родителей: непрерывный писк, скорость, с которой он приводил в негодность памперсы, постоянно сморщенный в обиде лоб. Одно плохо, нет, ужасно: маленький Порри совершенно не был волшебником.

Надо сказать, что новорожденный колдун — это землетрясение, поселившееся в детской комнате. Любой каприз малыша буквально переворачивает дом вверх дном

(кстати, случалось на улице Вязов и такое). Пустышки взрываются как петарды, пеленки разлетаются стаей испуганных перепелок, бутылочки сами собой наполняются молоком из соседских холодильников… Словом, только мама-колдунья может противостоять тому тайфуно-урагано-цунами, которое устраивает ее чудесный отпрыск. А уж когда начинают резаться зубки, тут и папочке приходится брать отпуск и сидеть с волшебненочком — чего доброго, подожжет занавеску или доведет до слез соседскую горгулью.

Малыш Гаттер оказался не таким. Конечно, он исправно орал, плевался пустышкой и устраивал ночные концерты не хуже любого другого младенца, но почему-то без нормальных для его возраста взрывов, фейерверков и прочих катаклизмов. Поначалу это даже радовало родителей, которые хвастались перед соседями покладистым нравом сына, но очень скоро зависть окружающих сменилась сочувствием. Где это видано, чтобы трехмесячный пацан ни разу не заставил кошку шлепнуться о потолок или не разнес весь фарфор в доме, когда у него болел животик!

К полугодию Порри уже не оставалось сомнений в том, что он не волшебник, а самый обыкновенный мудл. Так у колдунов принято называть те несчастные создания, которые по непостижимой причине не в состоянии проходить сквозь стены, добывать огонь усилием воли или обратимо мутировать.

Старинный род Гаттеров давно не переживал такого позора, как рождение мудла. В минуту помрачения рассудка старший Гаттер даже заподозрил, что Порри не его сын! Но Департамент Астрологии быстро развеял страшные сомнения: чрезвычайно редкая комбинация Марса, Сатурна, Юпитера и сошедшего с орбиты российского спутника неизбежно примудлачивала каждого, кто имел неосторожность появиться на свет в день рождения Порри Гаттера.

Еще быстрее развеяла крамольные сомнения отца семейства Мэри Гаттер, которая устроила грандиозную сцену с применением нескольких запрещенных — по соображениям нравственности — заклинаний. И хотя Мэри, слывшая ведьмой отходчивой, быстро успокоилась и даже почти простила старшего Гаттера, бедняга до рассвета лечил «Кровью вампира» телесные и моральные повреждения.

Неудивительно, что папаша Дик был сильно не в духе в то памятное понедельничное утро, когда все и произошло. Он рассеянно помахивал волшебной палочкой в такт

производимым то ли Гинги, то ли Кисером глухим ударам по потолку, заставляя кроватку Порри то взлетать вверх, то ласточкой падать вниз, совершая по пути фигуры высшего пилотажа. Обычно это успокаивало сына, но на сей раз даже две петли Нестерова в сочетании с «бочкой» и пролетом под столом в перевернутом положении не дали результата.

— Баю-бай, баю-бай, давай засыпай, баю… Да замолчишь ты или нет, разрази тебя Мордевольт!.. — воскликнул Дик так громко, что с кухни тут же прилетела мама.

— Что ты такое говоришь! — воскликнула она, приземлилась и нежным материнским взмахом палочки прижала мгновенно заснувшего малютку к груди. — Так недолго и беду накликать!

Мэри была права: Мордевольт был ужасом мира волшебников. Самые отважные из магов на всякий случай начинали мелко трястись при одном его имени, самые трусливые на всякий случай тряслись постоянно, даже во время еды, а вместо страшного слова Мордевольт на всякий случай говорили Тот-произнесение-имени-которого-сопряжено-с-определенными-фонетическими-трудностями.

Прирожденный колдун, подававший в юности исключительные надежды, Тот-чье-имя-неприлично-произносить-в-общественных-местах уже в зрелом возрасте встретился с духом Леонардо да Винчи и с тех пор вбил себе в голову, что будущее человечества не в замшелых заклинаниях, а в научно-техническом прогрессе. Лучший преподаватель школы волшебства Первертс забросил докторскую диссертацию на перспективную тему «Некоторые аспекты демографии вервольфов» и принялся изобретать радиоуправляемые самолетики и электрические выключатели. Над Мордевольтом поначалу открыто потешались, но однажды невинное чудачество обернулось настоящим кошмаром.

Ни одного волшебника не уцелело в тот день, когда Тот-кто-ну-короче-вы-меня-поняли, доведенный до отчаяния насмешками, выхватил из недр зловещего синтетического плаща огромную черную Трубу и направил ее на обидчиков. Их было шестеро, великих магов и кудесников, но ни один не смог противостоять действию Трубы, потому что коварный Мордевольт создал ее без единого заклинания, на одних только хитроумных часовых механизмах тайваньского производства. Мгновение — и на месте волшебников образовалась кучка растерянных мудлов, которые не только не обладали колдовским даром, но и напрочь позабыли, кто

они и зачем у них в руках эти странные и опасные на вид палки.

С тех пор безмятежной жизни колдунов и ведьм пришел конец. Бледный, как смерть от обезвоживания, Мордевольт, взявший себе второе имя — Враг Волшебников (В.В.), возникал то там, то сям, взмахивал роковой Трубой и безжалостно превращал могучих колдунов в слабых и убогих мудлов. Бесстрашные маги-Арнольды, облаченные в заземленную броню, уже десять лет охотились за Тем-как-его-блин-опять-из-головы-выскочило, но В.В., бессовестно применявший при случае и колдовские навыки, всякий раз ускользал, приложив по дороге пару-тройку героев. Количество обезмагнутых Мордевольтом волшебников уже достигло 665, и становиться 666-м (хоть число и считалось счастливым) не хотел никто. Правда, не все это признавали.

— Мордевольт! — закричал папаша Гаттер, пытаясь перекрыть нарастающий шум сверху, — Мордевольт-Мордевольт-Мордевольт! Что за дурацкие предрассудки, Мэри! Чтобы действительно накликать беду, нужно использовать столько дурацких суеверий, что проще одолжить у дурацкого Мордевольта его дурацкую Трубу. А дурацкое это имя — Мордевольт — можно повторить хоть 666 раз!

— Бам-бам-бам! — зазвонил колокольчик над входной дверью.

— Соседи пришли на Гинги жаловаться, — забеспокоилась Мэри, — я успокою малышку, а ты уладь с соседями. — И она пронеслась сквозь потолок в детскую, где застала юную Гингему в окружении десятка орущих копий кота Кисера, причем самый маленький кисер был размером с мышь, а самый большой уже проломил головой крышу.

Гаттер сунул палочку в карман халата и поплелся в прихожую. Разговаривать с кем бы то ни было, а тем более что-то улаживать ужасно не хотелось.

— Ну кто там еще приперся на день глядя?! — грозно крикнул он, подходя к двери и надеясь, что такое начало сразу погасит запал жалобщиков.

— Тот-чье-грозное-имя-черной-тенью-нависло-над-беспомощным-миром, — ответили снаружи.

— Здрасьте! — разозлился Гаттер. — Что за дурацкие розыгрыши! — и распахнул дверь, собираясь хорошенько объяснить неизвестному юмористу, что даже удачная шутка, сказанная не в то время и не в том месте, может стоить Тому-кто-позволяет-себе-иронизировать-над-директором-

департамента-суеверий нескольких визитов к стоматологу, а также к окулисту, травматологу, отоларингологу…

На пороге стоял Мордевольт.

Папаша Гаттер на мгновение остолбенел, но лишь на мгновение, — все-таки он был весьма тренированным магом. Через долю секунды волшебная палочка Гаттера уже была направлена на Врага Волшебников, короткое заклинание, и…

Увы и ах. Надо же было такому случиться, что Дик второпях выставил вперед тупой конец палочки, а острый, средоточие магии, оказался нацеленным точно в живот Гаттера.

— Вот какие заклинания сейчас в моде в Департаменте Суеверий, — Мордевольт с интересом посмотрел на стремительно покрывающегося роговыми наростами Дика Гаттера. — Даже и не знаю, лишать ли высокопоставленного мага таких способностей.

В.В. ткнул пальцем в грудь окостеневшего Гаттера, и тот рухнул к ногам злодея.

— Да-а-а, — протянул негодяй, — я начинаю задаваться. В том числе я начинаю задаваться вопросом, правильно ли я выбрал дело всей жизни. Если лучшие волшебники способны только на такие подвиги, не стану ли я шутом, бесконечно играющим свою незатейливую роль среди столь же примитивных персонажей?

Тот-у-кого-уже-давно-не-было-достойного-собеседника перешагнул через слабо шевелящегося Гаттера, прошел в гостиную, окинул скептическим взглядом стены с легкомысленными гобеленами и вдруг увидел детскую кроватку.

— Младенец, — прошептал В.В., склонившись над посапывающим Порри, — магический младенец. Какой неожиданный поворот судьбы. Именно тогда, когда я начал разочаровываться в своей миссии…

В комнату влетела Мэри, ахнула, взмахнула волшебной палочкой…

— Нет-нет, — произнес В.В., небрежным жестом окружив себя и кроватку зеленоватой сферой[1], о которую со звоном разбился мощный луч, вылетевший из палочки Мэри. — Никаких возражений. И никаких больше недоучившихся старичков-магов, нет! Вот она, подлость, которая останется в веках. Какое непревзойденное злодейство — обезмажить шестимесячного несмышленыша! Какое горе ждет его родителей! — Мордевольт посмотрел сквозь сферу на

Гаттеров, ожидая увидеть душераздирающую сцену, и удивленно приподнял бровь.

Собравшееся за сферой семейство Гаттеров вело себя странно. Папаша Дик, ежесекундно сбивая палочкой стремительно растущие рога, что-то втолковывал Мэри. Мать тигрицей ходила взад-вперед, бросая на незваного гостя тяжелые взгляды. Маленькая девочка, повязав гигантский бант на шее чрезвычайно обиженного кота, показала Врагу Волшебников язык, хихикнула и отвернулась.

— Вырожденцы, — констатировал Мордевольт. — Да, я прав, здесь мне делать больше нечего. А вот младенец, младенец… — Он мечтательно прикрыл глаза. — После такого выдающегося преступления можно и на покой… Оставить этот суетливый испуганный мир колдунов, уехать в Австралию, заняться разведением простых электрических овец… Это ли не счастье? Решено! Ты, безымянный малыш, будешь 666-м и последним!

Тот-кто-решил-оставить-шоу-бизнес-и-припасть-к-истокам достал из-за пазухи внушительную черную трубу, из кармана плаща еще одну, щелчок — получилось что-то вроде двустволки. Еще одна труба, щелк, еще одна, еще… Через минуту в руках у Мордевольта оказалось устройство, более всего напоминающее компактный двенадцатиствольный миномет.

— Надо действовать наверняка, — назидательно произнес В.В., — чтобы получился не просто мудл, а настоящий мудлила, который не только не способен к магии, но еще и не верит в НЛО, Санта-Клауса и любовь с первого взгляда.

Мордевольт навел миномет на Порри, счастливо вздохнул и нажал на кнопку.

Бабах!

Дюжина фиолетовых искр вылетела из черных трубок, ударилась о лоб Порри, отскочила и впилась в Мордевольта. Сфера Фигвамера бесшумно опала, а Враг Волшебников начал стремительно бледнеть.

— Ах, так! — заголосил В.В., сквозь которого уже виднелись стены. — Тогда можно и по-другому! — Из рукава плаща в ладонь Мордевольта скользнула волшебная палочка. — *Раз-вы-так-то-вот-вам!* — выкрикнул он одно из самых опасных заклинаний, и… ничего не произошло. Тот-кто-опрометчиво-решил-вырыть-яму-другому потерял магическую силу, сраженный собственным изобретением.

— Я обиделся! — выкрикнул Мордевольт. — Теперь я всерьез обиделся! Когда я вернусь, не будет пощады ни…

Внезапно какая-то сила подняла негодяя над полом, пронесла по гостиной и окунула в сосуд с аквариумными жабками. Гаттеры посмотрели друг на друга, завертели головами в поисках сделавшего это мага… и увидели Порри, который увлеченно водил пальчиком вверх-вниз, макая Того-кто-не-подумав-наехал-не-на-того-парня в болотную воду.

— Маленький мой! — завизжала Мэри. — Ты стал магом! — и она схватила Порри и принялась покрывать его поцелуями. Малыш оставил Мордевольта, и тот — настоящий фантом, — что-то сипя, ускользнул в вентиляционное отверстие.

Давно в доме Гаттеров не было такого праздника.

— Ах ты мой сладенький! Ах ты мой умненький! Мой герой! Мой маг! — Мэри высоко подбрасывала Порри, который с восторженным писком превращал стулья в разбегавшихся по дому маленьких диких пони.

— Порри маг! Порри маг! — заразившаяся общим настроением Гинги прыгала по дивану, хлопая себя ладонью по голове. — Порри, Порри, маг, маг, маг! Как же это! А вот так! Порри маг! Квак, квак, квак!

— Как, собственно, я и говорил, — гудел Дик Гаттер, — Обезмаживающая Труба не может причинить мудлу никакого вреда. А поскольку заряд Трубы… э-э-э… просто так исчезнуть не мог… то… э-э-э… результат очевиден… И, конечно, волшебная сила Мордевольта должна была перейти к Порри, как я и говорил… то есть я этого не говорил, но по здравом размышлении…

— Мяу, — устало сказал Кисер, упал на свой коврик и прикрыл уши лапами.

Весть о чудесном избавлении от Мордевольта облетела волшебный мир со скоростью наскипидаренной совы. Отмечали это событие два месяца, на радостях разворотив пол-Англии, после чего Департаменту Затуманивания пришлось приложить немалые усилия, чтобы списать устроенные магами безобразия на фанатов «Арсенала».

Никто еще не догадывался, что вместе с мордевольтовской магической силой в малютку Порри влилась и беззаветная любовь Того-кого-уже-можно-называть-как-угодно к научно-техническому прогрессу…

Глава 2
Семнадцатое августа

Утро своего одиннадцатилетия Порри Гаттер провел на яблоне.

Вооружившись самодельным арбалетом с лазерным прицелом, он внимательно осматривал окрестности и мужественно вздыхал. Вокруг дерева медленно ходил кот Кисер. Над задним крыльцом дома медитировала сестра Порри, Гингема. Старшие Гаттеры выводили на лужайку самовыбивающиеся ковры, страдающие ревматизмом. Время от времени вся семья украдкой поглядывала на Порри: родители с беспокойством, старшая сестра снисходительно, а Кисер, недавно прошедший процедуру магического омоложения и вместе с возрастом утративший философское отношение к жизни, — с любопытством.

Порри полагал, что лазерный прицел арбалета — достаточная маскировка от родителей. Но Дик и Мэри были прекрасно осведомлены о всамделишном боевом лазере, который для видимости умел стрелять арбалетными болтами. Порри очень гордился своим оружием, а особенно тем, что оно сделано практически без помощи магии. Но разве что чуть-чуть, чтобы обеспечить корреляцию гармоник и обойти закон сохранения энергии… Впрочем, это совсем не важно и скучно.

Гораздо значительней была причина, по которой Гаттер-младший вообще взялся мастерить арбалет. Еще весной, когда он увлекся изготовлением «жучков» (для которых отлично подошли обычные тараканы), Порри случайно подслушал довольно неприятный разговор.

— Дорогой, нам нужно серьезно поговорить, — сказала мама.

— Ну-у-у! — закричал папа.

— Меня очень тревожит наш мальчик, — продолжила Мэри.

— Э-э-э… — уныло протянул Дик Гаттер.

— То, чем он занимается, это… это… я даже не подберу слов. Это…

— Ну же!.. — заорал глава семейства.

Слегка испуганный и донельзя заинтригованный Порри откопал в ящике стола радиоуправляемого рогатого жука, закрепил на спине пластмассового насекомого цифровую видеокамеру и запустил шпиона в направлении гостиной. Вскоре на экране компьютера появилось изображение

родителей, и по крайней мере, одно необычное явление получило объяснение — вопли Дика были реакцией не на слова Мэри, а на ход матча по футбичу между «Маджестик Юнайтед» и «Визард Пингвинс», точнее, на неудачные попытки игроков любимой папиной «МЮ» прорваться к воротам соперника.

Вскоре футбичисты завелись настолько, что совершенно позабыли об игре и принялись устраивать потасовки, задираться с болельщиками, колотить судей, а также постоянно вылетать на метлах из колдовизора с целью спереть папино пиво со столика. Словом, это был не самый подходящий момент, чтобы затевать серьезный разговор. Но ведьмы потому и называются ведьмами, что устраивают неподходящие разговоры в неподходящее время. Впрочем, не ведьмы тоже.

Мэри решительно встала перед супругом.

— Дик! С ребенком надо что-то делать!

Папа, смутно осознав, что мама действительно обеспокоена, тут же откликнулся:

— Ага. И я тоже.

— Что «тоже»? Дик! Мальчик совершенно забросил магию! Его интересуют только компьютеры, процессоры и трансвестисторы!

— Транзисторы, — рассеянно поправил Дик, следя за матчем из-под руки Мэри, — эти штуки называются транзисторы. Куда?! — Форвард «МЮ» извернулся и ловко свистнул банку прямо из-под папиного носа. Это было ужасно: мало того, что пиво пропало, так еще и судья вознамерился удалить нападающего за допинг. — Судью — с поля! А вы — вперед! Вперед, я говорю! Ну! Пас давай, дубина!.. Я тебе покажу «сам дубина»!

— Мне все равно, как и что называется! Мальчик нуждается в чутком отношении со стороны отца. Ты совершенно не занимаешься сыном! Да ты даже на меня внимания не обращаешь!

— И на меня тоже, — раздался голос Гингемы. Порри сместил жука, и в секторе обзора камеры появилась сестра. — Сто раз сказала папочке достать пригласительные на ночное шоу оборотней, и что? А я уже Вадику пообещала…

— Это твой новый мальчик? — заинтересовалась мама. — Вадик? В смысле, Владик? Наш сосед Дракулович?

— Нет, — смутилась девушка, — он… не наш. В смысле, мудл, да. Но он очень хороший! Стихи пишет: «Ты меня очаровала в тишине у сеновала…».

— Ой, зря ты его очаровала. Разочаруй, пока не поздно. Одна морока с этими смертными: сначала приворожи, потом окрути, а там глазом моргнуть не успеешь, как он помер. И опять все сначала! Только приворотное зелье зря переводить… Гинги, ты где?

— Я на кухне! — донеслось издали.

— Я же тебя просила — не ходи дома через стены! От этого обои портятся! И плитка трескается!

— А что случилось? — наконец подал голос Дик. Обе команды, жестоко искалечив друг друга, уже валялись на травке, играть стало некому, судья объявил перерыв на медицинско-восстановительные работы, и отец ненадолго вернулся в семью. — Плитка трескается? Небось опять строители на схватывающих заклинаниях сэкономили. Ну я Департаменту Возведения покажу! На ближайшем же заседании правительства…

— Дик, — очень серьезно сказала Мэри, — еще одно слово, и в правительстве появится вакансия. Слушай внимательно, говорю последний раз. Твой сын пренебрегает магией и все время мастерит всякую механическую дрянь.

— Да не может быть! — поразился Гаттер. — Ты уверена?

Мэри выразительно кивнула на притаившегося под журнальным столиком рогатого жука.

— Да, — признал отец, всмотревшись в чудо техники. — Ты права, как всегда. Но не во всем, как обычно. Беспокоиться не стоит. Семнадцатого августа прилетит сова с приглашением, отправим сыночка в Первертс, там из него эту дурь мигом выбьют.

— А его примут? С такими наклонностями?

— Можешь не сомневаться. Я замолвлю словечко перед руководством школы… А я все-таки первое лицо в Департаменте Суеверий… И не последний кандидат в премьеры… — Футбичное поле постепенно заполнялось отреставрированными игроками, и Дик Гаттер начал терять связь с действительностью. — …Тетраль Квадрит скоро отправится на пенсию… И меня вместо него… вполне возможно… Конечно, всякие интриги… особенно со стороны Департамента Затуманивания… Но их последние непростительные просчеты… Ну-у-у!.. Э-э-э… Ну же!..

Мэри вздохнула, привычным движением свернула со спины жука камеру и умело придавила сидевшего неподалеку подслушивающего таракана. Связь с гостиной прервалась.

Порри был в шоке. Более того, он впервые по-настоящему задумался о будущем. Школа колдовства Первертс могла

серьезно помешать его планам — стать крутым хакером, как кузен Иван в Канаде.

Вот почему он сразу взялся мастерить удобное и простое оружие, из которого запросто можно сбить сову еще на подлете. Вот почему с самого утра семнадцатого августа торчал Порри на яблоне, с которой просматривалось все воздушное пространство возле дома. Ради такого случая он даже не побрезговал включить дополнительное, магическое зрение, но чертова сова все не объявлялась.

Часа через два у Порри затекли ноги и руки, а магическому зрению стали мерещиться зеленые чертики — точь-в-точь как у дяди Петроффа, папы кузена Ивана. Вся семья, включая Кисера, давно ушла в дом, откуда уже доносился манящий запах праздничного пирога, и мальчик совершенно неожиданно для себя понял, что сидеть в засаде — это невыносимо скучное занятие. А тут еще под яблоней возникла Гингема, которая на днях эффектно отшила занудного Вадика и теперь пребывала в прекрасном настроении. Сестричка медовым голоском поздравила Порри с днем рождения и поинтересовалась, слезет ли любимый братик за подарками или их придется принести под дерево.

— Принеси, раз такая умная, — огрызнулся Порри.

— Боюсь, у меня не получится, — пропела Гингема, — некоторые подарки сюда не донесешь.

— Ну и Мордевольт с ними, — еще грубее ответил Порри. Он очень боялся пропустить сову.

— Ну ладно, — сестричка пожала плечами, — пойду скажу папе, что Интернет можно отключать.

Это был удар настолько ниже пояса, что Порри не раздумывая слетел с яблони и понесся домой. Интернет был отключен уже три недели, после серии химических опытов, которые младший Гаттер проводил в гараже для метел. Чтобы наказание было не слишком суровым, папа согласился включать Интернет по праздникам — таким, например, как очередная оплошность Департамента Затуманивания. Как назло, конкурирующее ведомство регулярно рапортовало об успехах, а папин Департамент Суеверий, напротив, несколько раз серьезно опозорился. Так что день рождения стал первым и — в обозримом будущем — последним днем допуска Порри в мудловскую Сеть.

«Ничего, — утешал себя юный волшебник, — раз совы до сих пор нет, то уже как пить дать не будет, а почту мне обязательно нужно проверить! И новости проверить! И новую Мисс Сяню скачать!» Мысль о свежей Мисс Сяне

заставила его перейти на бег, и через минуту, пролетев мимо родителей, Порри сидел перед клавиатурой.

Почты было действительно много. В основном поздравления от виртуальных друзей, недоуменные вопросы — «Ты где? :-(. КиберБой из Караганды» и рекламные рассылки — «Ни в коем случае не удаляйте это письмо, не прочитав его до конца! А то что, зря мы его сочиняли?» Но одно электронное послание сразу привлекло внимание Порри. Во-первых, оно было без обратного адреса, а значит, там наверняка прятался вирус. Во-вторых, письмо скакало по папке «Входящие», меняло цвет и тему сообщения, словом, вело себя крайне подозрительно. Судя по всему, вирус был сугубо магического свойства. Отметив про себя, что давно пора обновить антивирусные базы Каспера[2], Порри отправил письмо в корзину, но оно и тут повело себя неправильно: метнулось из стороны в сторону, увильнуло от курсора, затрепетало и внезапно раскрылось на весь экран.

Уже с первой строчки Порри понял, что все было напрасно: и ночи в мастерской, и бдение на яблоне.

Уважаемый мистер Гаттер!

Школа волшебства Первертс

имеет честь…

У Порри оставался последний шанс. Он быстро ткнул пальцем кнопку выключателя. Ничего не случилось. Порри вырвал шнур из розетки. Экран продолжал самодовольно светиться. Пересилив себя, он применил последнее средство: взмахнул руками и прошептал: *«Чубабайс!»* — мощное заклинание, вырубающее электроприборы в радиусе пяти километров. Проклятое письмо никуда не желало исчезать. Порри оглянулся. Так и есть — за спиной, явно довольные своей выдумкой, стояли родители.

— О! — неубедительно удивился отец. — Так тебя зовут в Первертс! Здорово! Помню, я очень радовался, когда получил такое приглашение.

— Да! — подхватила мама. — Далеко не все дети волшебников удостаиваются такой чести!

— Поздравляю! — В комнате материализовалась Гингема (только ее здесь не хватало!) — Пять лет зубрежки, и сможешь делать как я! — Пятикурсница Первертса пролетела сквозь стену и вернулась обратно с Кисером в руках. Обои затрещали. Мама поморщилась. Кот весело посмотрел на младшего Гаттера и вдруг подмигнул.

— Вы! — закричал Порри. — Вы все подстроили! Вы обманули меня! Я все равно не поеду! Дядя Петрофф обещал

устроить меня в техникум связи! А вы!

Порри шмыгнул носом, дал тумака сестрице (а пусть не дразнится «плаксой-кляксой»!) и выбежал из комнаты.

Родители растерянно посмотрели друг на друга. Монитор еще немного посветился, а потом медленно, словно уголек в камине, угас.

— Ну, — подытожил отец, — во всяком случае, не придется платить за подбитых почтовых сов.

Наступил вечер. Порри сидел на яблоне, сжимал в руке верный арбалет и гордо тосковал. Родители по очереди выходили из дома и начинали успокоительные беседы, но все напрасно. Правильные слова — «Да ну его, этот Первертс, езжай, сынок, в техникум связи», — так и не были сказаны. Несколько раз вокруг дерева кружила на метле Гингема, пытаясь приободрить Порри — остроумными и дружескими, как она считала, подначками — но несчастное лицо брата в конце концов растопило и ее каменное сердце: сестра принесла кусок пирога и молча (!) улетела.

— Мряк, — раздалось из темноты под яблоней.

— Ну а тебе чего надо? — угрюмо спросил Порри.

— М-не? — ответил Кисер.

— Тебе! — разозлился мальчик.

— Н-ну, — неопределенно высказался кот и исчез в кустах. Порри показалось, что напоследок Кисер хихикнул.

«Никто меня не понимает, — в сотый раз подумал Порри. — Никто меня не любит. Вот сейчас застрелюсь из арбалета, вот тогда будете знать». В воображении вновь возникла сладостная картина: он, в ярких лучах восходящего солнца, лежит на траве, бездыханный, с благородной дыркой от лазера во лбу, а вокруг рыдают убитые горем папа, мама, Кисер и, главное, Гингема. Порри вздохнул. Стреляться было глупо, возвращаться домой противно, сидеть на яблоне и дальше — бесперспективно.

— Хрррраууууу! — взревела улица. Порри подскочил, выронил арбалет и едва не свалился сам. Прямо на него несся огромный огненный шар. «Мордевольт вернулся», — успел подумать мальчик, обхватил ствол дерева и зажмурился.

— Так вот ты где! — пророкотал кто-то над самым ухом. — Хорошая позиция. Все зоны подлета сов простреливаются, гипогрифу[3] тоже не проскочить, ну а дракон… ну, а что дракон? Если дракон, то все, полный крендель, тут уж никакая стратегия не поможет.

Если это и был Мордевольт, то какой-то очень странный. Порри приоткрыл один глаз. Рядом с деревом, громко фырча,

колыхался огромный сверкающий мотоцикл, на котором восседал еле заметный среди леса хромированных деталей уморительно серьезный рокер.

— Харл, — представился он, — можно просто Харлей. Значит, желаешь ты науке-технике учиться, а предки ни в какую? Хотят заслать тебя в чудо-юдо-школу Первертс?

— Да! — воскликнул Порри, наконец-то встретивший человека, который его понимает. — И ведь зашлют! И что же делать?

— А ничего не делать, — спокойно сказал Харлей, — езжай в школу. Вот я все детство мечтал выучиться на психоаналитика[4], а меня отправили в Первертс. И что ты думаешь? Теперь я преподаватель этой самой школы. И, ты думаешь, — преподаватель чего? Психоанализа? А вот и не угадал. Преподаватель хорошего-по-возможности-обращения-с-магическими-будь-они-неладны-животными, во как. Ну и что ты по этому поводу думаешь?

Понятно, что Порри не знал, что и думать, сбитый с толку алогичными построениями Харлея. Но удивительным образом рокер-преподаватель заочно ненавистного Первертса вернул ему беззаботность — качество, казалось, навсегда утраченное этим утром. «Да что я в самом деле! — сказал себе Порри. — Расхныкался, как девчонка. Первертс так Первертс, а там посмотрим. Вдруг меня отчислят за… за…»

— … за профнепригодность, — закончил мысль мальчика Харлей. — И то дело. Меня вот, правда, так и не отчислили, и что, ты думаешь, я жалею? Жалею, конечно. А что делать. Как ты думаешь?

— А вы как думаете? — нашелся Порри. — Что делать?

— Свечи задувать. Подарки разворачивать. Пирог есть, — сказал Харлей. — А ты как думаешь?

Порри уже именно так и думал.

Запоздалый праздник оказался просто восхитительным. Под общее аханье были извлечены из коробок подарки: жилетка с переползающими карманами, сами себя обыгрывающие шахматы, шарики-пропадарики[5], набор для конструирования привидений и — к радости Порри — настоящий (не волшебный!) мудловский ускоритель элементарных частиц. И хотя многокилометровый синхрофазотрон родителям пришлось упаковать в небольшой магический куб — дом Гаттеров все-таки не был безразмерным — о таком полигоне для экспериментов Порри не мог и мечтать.

И вот уже одиннадцать свечей задуты, и вся семья вместе с гостем уплетают пять раз разогретый, но все равно удивительно вкусный праздничный пирог.Харлей оказался школьным знакомым Гаттеров, и мальчик понял, что родители специально вызвали преподавателя-психолога, чтобы снять сына с дерева, но совершенно не обиделся — так ему было хорошо и уютно.

Взрослые договорились, что в следующую субботу, перед отправкой в Первертс, Харлей поможет Порри закупить все необходимое для учебы, и гость начал прощаться:

— Ну что ж, мне очень понравилось. А вы как думаете? Все-таки приятно вот так запросто зайти на семейный праздник. А что дела… А-а-а!

Харлей вскарабкался на стол и выпучил глаза на вошедшего Кисера.

— Мря, — сказал кот, глядя на Харлея, — Мря-Мря.

— Это ведь кот, — сказал преподаватель обращения с животными. — Это ведь настоящий живой кот.

— Кот, — подтвердил удивленный Порри.

— Но ведь это же зверь! Дик, Мэри, почему вы меня не предупредили, что у вас есть зверь?

— Но вы учите обращению с животными! — воскликнул мальчик. — И вы их… боитесь?!

— Я их до смерти боюсь, — сказал психоаналитик. — А что делать? А иначе как бы я мог саморефлексировать? Как ты думаешь?

Харлей нервно вспрыгнул на мотоцикл и строго посмотрел на Порри:

— Через неделю. Не опаздывать!

Он кивнул улыбающемуся Дику, слегка поклонился Мэри и Гинги, покосился на Кисера, газанул, пролетел через окно гостиной и скрылся в ночном небе.

— И не вздумай брать с собой зверя! — донесся до Гаттеров удаляющийся голос психоаналитика-любителя. — А если возьмешь… то что?.. А ты как думаешь?.. А что делать…

Кисер вскочил на подоконник и уставился вслед мотоциклу, разочарованно облизываясь.

— А звери, видишь, как его любят, — сказала Гингема, — причем все. И в Первертсе тоже, а там такие твари попадаются! И как это у него получается, совершенно непонятно.

— А ты как думаешь, — счастливо пробормотал Порри, прижал к груди куб с ускорителем и мгновенно уснул.

Ему снились магические животные, которые гонялись за Харлеем по синхрофазотрону. Преподаватель мчался на своем мотоцикле все быстрее и быстрее и в конце концов, с криком «Я промежуточный дубль-вэ бозон! А что делать?» превратился в сову и улетел.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.